

На переломе — эпизод 15 из 27

Каждый второклассник имел над собственностью каждого малыша огромные права. Если новичок не хотел добровольно отдавать гостинцы, старичок безнаказанно вырывал их у него из рук или выворачивал наизнанку карманы его панталон. Большинство вещей новичка, по своеобразному нравственному кодексу гимназии, старичок не смел касаться, но коллекционные марки, перышки и пуговицы, как предметы отчасти спортивного характера, могли быть отбираемы наравне с гостинцами. На казенную пищу также нельзя было насильственно покушаться: она служила только предметом мены или уплаты долга.

Вообще сильному у слабого отнять можно было очень многое почти все, но зато весь возраст зорко и ревниво следил за каждой пропажей. Воровство было единственным преступлением, которое доводилось до сведения начальства (не говоря уже о самосуде, производимом над виновными), и к чести гимназии надо сказать, что воров в ней совершенно не было. Если же кто и грешил нечаянно, то потом уже закаивался на всю жизнь. Но и здесь наряду с суровой честностью по отношению к товарищам своя собственная нравственность давала вдруг неожиданный скачок, разрешая и даже, пожалуй, поощряя всякого рода кражу у воспитателей. Конечно, крали чаще всего съестное из шкафчиков в офицерских коридорах. Крали вина и наливки, и крали обыкновенно со взломом висячих замков.

Кроме прав имущественных, второклассник пользовался также правами и над животом малыша, то есть во всякое время дня и ночи мог сделать ему из лица лимон или мопса, покормить маслянками и орехами, показать Москву или квартиры докторов ай и ой, загнать салазки, пустить дым из глаз и так далее. Новичок с своей стороны обязывался переносить все это терпеливо, по возможности вежливо и отнюдь не привлекать громким криком внимания воспитателя. Выполнив перечисленную выше программу увеселений, старичок обыкновенно спрашивал: Ну, малыш, чего хочешь, смерти или живота? И услышав, что малыш более хочет живота, старичок милостиво разрешал ему удалиться.

Всякий новичок считался общим достоянием второго класса, но бывали случаи, что один из отчаянных всецело завладевал каким-нибудь особенно питательным малышом, брал его, так сказать, на оброк. Для этого отчаянный оказывал сначала новичку лестное внимание, ходил с ним по зале обнявшись и в конце концов обещал ему свое великодушное покровительство.

Обижает тебя кто-нибудь, малыш? спрашивал заботливо отчаянный. Ты мне

скажи правду, не бойся...

Нет... то есть, конечно, обижают... Вот в воскресенье пирожные отняли...

Кто же отнял-то?

Я и сам не знаю... Человек пять... Открыли парту и насильно отняли...

Ну, уж это подлость! возмущался отчаянный. Разве же можно так поступать? А?

Конечно, нельзя...

Прямо свинство... Раз пирожные твои никто не смеет их брать... Правда ведь?

Конечно, правда... А то вот еще, вспоминает новичок, делаясь смелее,

Занковский вчера мне руку вывернул и очень больно по спине ударил...

Вот скотина-то! негодовал отчаянный. А ты знаешь что? Если тебя кто-нибудь тронет, ты мне скажи... Я уж за тебя заступлюсь. Слышишь?

Я скажу. Спасибо тебе.

И знаешь, что еще? Давай с тобой будем дружить... Ты мне очень понравился с первого раза.

Давай. Конечно, давай, радостно соглашался новичок.

Дружиться и делиться? Ладно?

Да, да, ликовал новичок. Вот-то будет хорошо!

Новые друзья протягивали друг другу руки, и ближайший свидетель, которому вкратце объясняли дело, разнимал их, освящая этой формальностью обоюдный договор.

Но заключенная дружба вовсе не требовала, чтобы старичок, получив где-нибудь кусок пирога или десяток слив, тотчас же принес молодому другу половину, молодой друг из этой добычи не получал ни крошечки. Зато если младший дольщик приносил из дому кулечек с провизией, то по крайней мере семь восьмых его содержимого отбиралось старшим дольщиком, глядевшим на них как на своего рода постоянный доход. Конечно, эти самые гостинцы мог вытрясти из новичка и первый встречный второклассник, но, как уже сказано было выше, авторитет физической силы стоял в гимназии настолько высоко, что ему подчинялись не только за страх, но и за совесть.

Этот всеобщий культ кулака очень ярко разделил всю гимназическую среду на угнетателей и угнетаемых, что особенно было заметно в младшем возрасте, где традиции нерушимо передавались из поколения в поколение. Но как между угнетателями, так и между угнетаемыми замечались более тонкие и сложные категории.